

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

В.Т. АНИСКОВ

**РОССИЯ
РЕВОЛЮЦИОННАЯ,
КРАСНО-БЕЛАЯ,
НЭПОВСКАЯ**

*в контексте
ярославского краеведения*

*Учебно-методологическое
пособие*

Ярославль 2005

УДК 94(470):372.893
 ББК ТЗ(2)6я73+ТЗ(2Рос-4Яр)я73
 А 67

*Рекомендовано
 Редакционно-издательским советом университета
 в качестве учебного издания. План 2005 года*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор М.В. Новиков;
 кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин
 Ярославского зенитно-ракетного института
 противовоздушной обороны

А 67 **Анисков, В.Т.** Россия революционная, красно-белая, нэповская в контексте ярославского краеведения: учебно-методологическое пособие / В.Т. Анисков; Яросл. гос. ун-т. – Ярославль: ЯрГУ, 2005. – 131 с.
 ISBN 5-8397-0369-9

Учебное предназначение книги не сокращает ее вероятных читателей – скорее, наоборот. Студент и аспирант в любом заинтересованном случае не обойдут издание. Начинаящий преподаватель средней и высшей школы не минует в нарастающих запросах. Опытный коллега и творческий оппонент могут авторские приглашения найти даже излишними. Любящие по духу отечественную историю и не "согласовавшие" еще с ней свои представления, возможно, отзовутся и с признательностью...

Прочтите, поразмыслите вместе с нами, откликнитесь!

УДК 94(470):372.893
 ББК ТЗ(2)6я73+ТЗ(2Рос-4Яр)я73

ISBN 5-8397-0369-9

© Ярославский государственный
 университет, 2005
 © В.Т. Анисков, 2005

Обращение к читателям

Дорогие наши юные друзья и коллеги! Вам предлагается совсем небольшая книга сравнительной истории России в контексте ярославского краеведения трех самых радикальных периодов – революций 1917 г., интервенции и Гражданской войны, а также нэповских лет 1920-х гг. – времени вхождения и исходного становления невиданной ранее человечеством цивилизации, во многом определившей исторические судьбы XX столетия.

Те 12 лет контрастных этапов в одном оказались предельно схожими – в их беспримерности, в итоговой непредсказуемости, в различном и совершенно противоположном социальном восприятии тогда, потом и теперь. И уже сам разброс мнений о мере закономерности (равно и субъективности) ныне минувшего, но не забытого, обрекает всю соответствующую историографию на пульсирующее непостоянство, а то и на непримиримость во всей последующей социологии и политологии.

Даже автор этой работы в своих оценках и сопоставлениях не покажется кому-то однозначно мыслящим. Да он и не стремился к этому, как и к вольным, отдающим симпатиями суждениям. В выступающих дилеммах в конечном итоге последний вывод пусть останется за самим читателем. Иначе не должно и быть.

ГЛАВА I. От либерально-демократической к народно-советской революции (февраль – октябрь 1917)

1. В мирный Февраль и при двоевластии

Проступая непосредственно к теме, желательно и даже необходимо хотя бы самым кратким образом в наших суждениях обратиться к их исходной части о той реальности, с которой все и начиналось, – в центре и на местах. Или, как принято в научном обществоведении, соприкоснуться с базовой методологией предлагаемого анализа.

По большому счету главные вехи истории России к 1917 г. вырисовывались на протяжении всего 300-летия династии Романовых – от надрывных усилий Петра Великого, осознанной жертвенности дворян-декабристов, неполноценного 1961 г. к тупиковому правлению Николая II. Предшествовавшие ему императоры еще как-то пытались осмыслить неизбежность вращивания страны в мировой реконструктивный процесс, он же, наряду с А. Колчаком и иными, оказался, к несчастью всех остальных, тем "политически горбатым", который даже не осознал своей могильной обреченности.

Облившийся народной кровью, которая переполнила «нерасплесканную», по его выражению, переполненную чашу самодержавия для наследника, Николай сам в итоге стал всеобщим отпротивным воодушевителем собственного свержения. Его никто не душил и не предавал – терпели и надеялись до последнего. А. Гучков, В. Шульгин, стоявший за ними П. Милюков, которого мы склонны считать самой большой умницей в либеральном окружении царя, казалось, убедили наконец-то последнего в бронированном поезде подписать отречение. Но было совсем поздно: вагон не стоял в истории царской империи даже допустимо последним.

Душил, расстреливал, вводил в заблуждения и предавал он сам, в том числе и тех, кто открывал для него спасительные двери. Того же С. Витте – автора Манифеста 17 октября 1905 г., проводившего политику достижения сотрудничества буржуазии с царизмом, аплодировавшей вскоре «дарованному режиму свобод». Опять же и самого П. Столыпина, «последний земельный клапан» которого поддерживал тот же предшествовавший премьер-министр. Убитому в 1911 г. агентом охраны не помогли и «столыпинские галстуки». Сдвиг вправо царской камарильи после расстрела рабочих на Ленских приисках стал настолько очевиден и нагл, что заставил изумленно отпрянуть не только кадетов, но и дальновидных октябристов.

Лидер крупной буржуазии А. Гучков на конференции своей партии в октябре 1913 г. говорил еще недавно немыслимые для него вещи: «Основная опасность, – уверял он, – состоит не в антимонархической проповеди.., не в пропаганде идей социализма и антимилитаризма, не в агитации анархистов против государственной власти», а в том, что правительство подрывает государственные основы, «революционизирует общество и народ», «приближает тем самым страну ко второй революции». А встревоженный той же опасностью кадетский вождь либерализма П. Милюков призывал уже не только к изоляции правительства, но и к согласованности в действиях самой многочисленной фракции в Думе с левыми депутатами.

К подобным мерам вне Думы склонялся и лидер третьей (крупнобуржуазной) партии прогрессистов, фабрикант (костромской и не только) А. Коновалов, предложивший создать небывалый координационный центр для объединения действий против правительства всех либеральных и революционных партий страны. К лету 1914 г. политический кризис достиг критической точки. Он обретал необратимый характер в условиях быстро набиравшего силу нового революционного подъема. Вступление России в мировую войну лишь на время приглушило и отодвинуло дальнейшие события, ставшие для монархии роковыми.

Царизм оказался не в состоянии не только управлять страной, контролировать события, но и понимать их. Прежняя политическая инерция становилась провокацией, уже не сходящей с рук. В 1915 г. Николай II в очередной раз отклонил требование к нему о

создании доверенного правительства, т.е. избираемого Думой и отчетного перед ней. И это тогда, когда не только обычное большинство, но и радикальные прогрессисты из IV Думы считали, что образование правительства общественного доверия лишь упущенный этап и действовать надо решительнее. Тот же лидер октябристов, крупный банкир и промышленник, а затем уже глава Государственного военно-промышленного комитета А. Гучков обсуждал вероятность апробированного в истории России дворцового переворота.

Даже он считал, что царское правительство, погрязшее в коррупции, тасуемое Распутиным, парализованное министерской чехардой, пьянством и развратом, ведет страну «к полному внешнему и внутреннему краху». Надо, в частности, воспользоваться опытом декабристов, учтя, разумеется, их промахи... в отношении царя. На самых разных уровнях велась речь о составе нового демократического правительства, об изменении отношения к терпящей поражения армии, переставшей быть даже нейтральной, о пересмотре аграрной программы в пользу крестьян, о возраставшей «в высшую степень» революционной активности рабочих, о перераспределении военных и социальных расходов. Все это выглядело не только актуально – в высшей степени злободневно и неотложно.

Кульминацией либеральной оппозиции стала речь Милюкова в Думе 1 ноября 1916 г. Он обвинил царский двор в организации заговора с целью заключения сепаратного мира с Германией, что почти преднамеренно подталкивало народ к антиправительственным действиям. С подобными заявлениями в Думе выступили также депутаты Ефремов, Коновалов и даже Маклаков¹. Все они напрямую не помышляли еще больше подхлестывать революцию, но реально (особенно выступление Милюкова, официально запрещенное для печати) сыграли роль мощного детонатора. Речь основателя российского либерализма нелегально была издана миллионными тиражами и имела сенсационное распространение не только в тылу, но и на фронте.

¹ Из упомянутых имен в самых верхах весьма примечательным был Н. Маклаков – недавний министр внутренних дел России, сторонник неограниченной монархии, до декабря 1916 г. еще призывавший царя к разгону самой Думы.